

Серёга был одним из немногих, кто поступил на дневной университетского радиофака после армии. На фоне вчерашней школяры из элитных физико-математических школ города он выглядел мужиковато, реально «по-дембельски». Невысокого роста, скорее смуглый, чернявый, плотно-крепкий, с осанкой кого-то из обезьяньих предков человека. Волосатые ухватистые пальцы, глубоко и близко посаженные тёмные глаза и выдающийся вперед урфин-джюсовский подбородок с быстро отрастающей щетиной. Такой приблизительно портрет далеко не красавца можно было нарисовать с этого человека, ставшего для Малыша лучшим старшим другом. Карлсоном, мужчиной в полном расцвете сил, без пропеллера, однако ж. А вот душа, скрывающаяся за такой внешностью, была нежная, детская.

Они сошлись на почве романтизма, грёз, поэзии. Занудные доценты и профессора на досках во всю стену выстукивали мелом истины мат. анализа и общей физики в 201-ой или 221-ой аудиториях, где шли лекции для всего потока, на верхних рядах тем временем Малыш и Карслон увлечённо зачитывали друг дружке выписанные накануне в особые тетрадки стихи Гийома Апполинера, Иосифа Бродского, Рильке, Киплинга, Эмили Дикинсон. Что делали эти две возвышенные натуры в душевной от рационализма естественно-научной атмосфере среди цифр и формул, дифференциалов и интегралов? Скорей на волю! Благо, двери рядом, и возмущенные возгласы лектора не успевают достать снизу, от кафедры, спины двух «сваливших» с занятий нагледцов. Всё, свобода. Травка, птички на откосе, Ока внизу, романтические развалины в дебрях «швейцарского» парка. И стихи, стихи, стихи.

Времена физиков-лириков остались уже в том прошлом, где «ночами долго курят астрономы». Молодые физики периода брежневского застоя социализма, как покажет время, готовили себя даже не к звёздным войнам, а к коммерческой, политической, банковской и иной материально выгодной деятельности, оставляя «лохам» давно поросшие травой поляны идеализма, мечтаний, поэзии и прочей бардовской ерунды из разряда «розовые сопли». И даже насидевшие папами правильной национальности места в элитных НИИ и ВУЗах не привлекали этих ребят как наследство, они заседали в комитетах комсомола (школа бюрократии и администрирования), играли в КВНах (школа демократического либерализма), а между делом даже учились считать (школа рыночной экономики в ожидании реставрации в стране дикого капитализма). Малыш с Карлсоном выглядели как две белые вороны в этой прагматичной стае.

- Угадай, какую книгу я сейчас перечитываю. С трёх раз...
- «Степного волка» Гессе?
- Не-а.
- «Над пропастью во ржи»?
- Нет.

— Ну, тогда «Алису в стране чудес»!

— Точно!

Странно, почему Серёге и в голову не пришло назвать учебник по термеху Ландау и Лифшица?

В туалете на первом этаже 4-го корпуса Карлсон, сидя на подоконнике, откупоривает бутылку дешёвого «Рислинга». В коридорах никого, занятия только начались, все на лекциях или лабах. Малыш зачитывает из своей тетрадки:

*Жить на вершине голой,
Писать простые сонеты...
И брать от людей из дола
Хлеб вино и котлеты.*

.....
*Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет чрез сто.*

Малыш, да ты через 30 лет проснёшься, не узнаешь ничего! Единственно, что на военной кафедре также будут изучать всё те же ПОСТ-3М и СДР-2МП.

«Рислинг» уже ударил в голову, много ли надо для крови молодой? Потянуло на умудрённость жизненным опытом:

*Нет, мы не стали глуше или старше.
Мы говорим слова свои, как прежде.
И наши пиджаки темны всё так же.
И нас не любят женщины всё те же.*

.....
Живем прошедшим, словно настоящим...

И поехало: на горло наступил век-волкодав, печально мы глядим на наше поколение, я Гамлет на подмостках, к дверному косяку прислонился, дайте Тютчеву стрекозу... и пошли они, солнцем палимые, какие уж тут занятия! Весна!

Звонок раздался часов в 5 утра. Родители и все домочадцы ещё спали. Малыш попрыгал босиком в коридор к телефону, закрывая покрепче двери в комнаты, чтобы не перебудить семейство. Это был Серёга. Голос далёкий, металлический, с треском, как междугородняя:

*— Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало...*

— Какие листы?!!

*— Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный...*

Малыш, ты что, спишь ещё?!

*Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры...*

— Серёга, ты где?

— Я здесь, в будке.

— В какой будке?!

— Да в деревне, в Верхних Печёрах, в телефонной будке.

— Ты как там оказался-то?

— Так ледоход сегодня! Приплыл. На льдине катался, приплыл сюда от Канавинского моста...

Такая вот весна, и все должны в ней принимать участие, плыть на льдинах, прилетать грачами, не спать по ночам, дежуря по апрелю.

Жил Серёга один с мамой, в нижнем рабочем районе города. На лекции он довольно часто приходил спать, ибо был после ночного дежур-

ства в пожарной части, куда устраился как отслуживший в армии, чтобы подрабатывать на жизнь. Из «пожарки» он утащил и торжественно вручил Мальшу в качестве шикарного раритетного подарка старинную пожарную каску времён Остапа Бендера или Тоттоши и Кокоши. С пресованными кокардой, гребнем наверху, сзади удлинённая, прикрывающая спину. В таких, наверное, ездили ещё на пожарных конках с бочкой и ручной водокачкой.

Про свою «армейку» Серёга говорить не любил. Известно, что его угодило попасть в стройбат. Что там было у него во время службы — трудно сказать, если не заглядывать в его тоскливые волчьи глаза. Иначе, можно было подумать о какой-то психологической травме, которая, впрочем, явно не сломала его характера. Бравого вояки из него не получилось точно, он и на военной кафедре как-то деревянно несуразно маршировал, а военно-стройотрядовская форма сидела на нём мешковато. Тем не менее как отслужившего в СА его назначили командиром отделения. Такой мужичок-ефрейтор, капрал, — но точно даже не «господин подпоручик». Но в душе-то он был куда как вашеблагороден! «Вставайте, граф, Вас ждут великие дела!» — написано у него на плакате в пол-стены над кроватью в их двухкомнатной с мамой хрущёвке. Вот так-то: граф!

*Нежнее нежного
Лицо твоё,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека...*

На День Радиофака (РФ — СЛФ, самый лучший факультет) Серёга неожиданно раскрылся в одном своём благородном качестве. Оказалось, что он неплохой гимнаст и участвует с номером в праздничном концерте. Он явился в фойе раздевалки, где толпились возбуждённые квасом студенты-первокурсники, весь в белом гимнастическом обтягивающем костюме, в чешках. Поднялся на один пролёт лестницы и на следующей лестничной площадке сделал стойку на перилах на руках при всей честной публике. Волосатые руки ловко перебирают по поручням, ноги кверху, белая фигурка отважна и стройна — как предводитель восстания гимнаст Тибул из «Трёх толстяков» Юрия Олеши, да и только!

Трудно быть романтиком, сидя дома в четырёх стенах. Люди должны идти по свету, людям нужны воля, лоно природы, свежий ветер, путешествия. Тень оленя, бегущего по тундре, паруса Крузенштерна, палатка и старенький компас, виляющий задом зелёный поезд, чтобы плюнуть на него с моста, любовь до переката, а дальше как получится, — и всё такое прочее. Серёга и был путешественником, никак не туристом. Пешком или ещё как-нибудь он каждый год старался увидеть новые места. Прошлым, например, летом ездил на велосипеде по длинному маршруту среди карельских озёр. От кровососущих сшил застёгивающийся молнией плотный лёгкий мешок и на ночь привязывал его к деревьям как гамак. Много повидал, много испытал — вот она, настоящая жизнь.

Со стипендии Мальш приобрёл себе новенький велосипед «Турист», о котором давно мечтал. Две звезды впереди, четыре сзади, итого восемь скоростей, ручные тормоза, узкое седло. У Карлсона велик поношенный, но крепкий. Турист Карлсон тоже крепкий, выносливый, опытный.

— Поехали-ка, Мальш, на выходные на Горьковское море туда-обратно, с палаткой, всего километров 60 в одну сторону?

Прикинул Мальш: скорость пешехода 5 км в час, скорость велосипедиста — 10-15. Не более чем за 5-6 часов будем на море, палатка, костерок... на следующий день обратно.

— А поехали.

Серёга с раннего утра впереди с палаткой по обочине шоссе педали накручивает, Мальш сзади пыхтит. Оказывается, в любую, даже с не-

большим уклоном горку ехать очень трудно, даже если впереди звезда маленькая, а сзади — самая большая. Узкое седло твоё седалище натирает. Пот преодолевает, дышать тяжело, а тут ещё выхлопные газы от обгоняющих большегрузов, автобусов. Как хорошо тем, кто едет в них! Проклял Малыш это путешествие. К морю едва добрались, когда солнце садилось. Еле вскипятили котелок воды, потом стали одолевать комары, а ночью в палатке от холода Малыш почти и не заснул. Обратную большую часть дороги договорились ехать на электричке. Романтика!

Но уже ранней осенью Малыш опять был соблазнён Карлсоном, они отъехали на пригородном поезде несколько станций от города, а потом долго возвращались пешком вдоль маленьких речек, через мокрые деревеньки, в сапогах с ботфортами, с рюкзаками за спиной, со стихами в продувных башках.

Упражнения в прекрасном и заброшенная учёба в конце концов привели к тому, что оба они в завершении третьего курса завалили кучу экзаменов, им грозило оставление на второй год. Малыш ещё по весне, радуясь, как какой-нибудь щенок, напился с одним дружком лёгкого вина, начал бегать и прыгать по холмам, зарастающим молодой нежной травкой, и сломал при прыжке лодыжку. Гипс, а не неуспеваемость, стал официальной причиной его академического отпуска. Незадолго до этого случая он почти уже договорился с Серёгой, что они летом вместе поедут в путешествие на Алтай, в горы, где и должны будут понять, что они за парни. Составили маршрут, оповестили родных, оставалось только билеты взять после окончания сессии. Сломав ногу, Малыш никуда не поехал, Серёга отправился один.

Гипс в середине лета сняли, нога зажила, а в августе Малыш поехал на Ангару с геологической партией, куда его устроил отец в качестве рабочего. Осенью, находясь в «академе», он стал подрабатывать лаборантом в НИИ, потому что за первое полугодие курса экзамены у него были сданы. Раз приехав в университет за документами, Малыш пошёл искать своего Карлсона, который должен был уже приступить к учёбе. Не найдя, стал спрашивать подряд всех знакомых, где тот может быть, и узнал страшную весть: он с Алтая не вернулся, пропал. Мать многократно делала запросы, его искали спасатели, но безрезультатно. Серёга пропал без вести. И пошло время, и становилось всё очевиднее...

Был сон Малышу, больше чем полгода уже спустя. На улице, в толпе, издали он наконец-то увидел живого Серёгу. Протиснулся, окликнул, схватил за рукав, повернул к себе.

— Что же ты?! Что же ты? А как же я?! А почему мне ничего не говорил, не сообщал?!

И стал бить-хлестать рукой по его щекам, по его тоскливым волчьим глазам. И плакать. Плача, проснулся.

В тетрадку со стихами переписал как-то Малыш у Карлсона любимые последним строчки Эмили Дикинсон:

*Я знаю, что он жив,
Что жизнь свою он спрятал
От наших грубых глаз
В какой-то светлый атом.
Он хочет поиграть
Со всеми нами в прятки,
Чтоб после радость дать
Разгаданной загадки!
Но так шутить нельзя
Мучительно-серьезно,
И в мёртвые глаза
Смотреть веселью поздно.*

*Не правда ль, слишком зла
Для нашего рассудка,—
Так далеко зашла
Вся эта шутка?*

И это тоже была «шутка»?

Фамилия у Серёги почти такая же, как у погибшего вместе с Юрием Гагариным лётчиком-испытателем Серёгиным. Был ещё Серёга Санин, которому «легко под небесами, другого парня в пекло не пошлют». С ним Визбор ходил по Петровке и жевал мороженое без остановки. Уходили — «счастливо!», приходили — «привет!» Но потом Серёга Санин «чуть-чуть не долетел, совсем немного не дотянул он до посадочных огней». Карлсона искали и ждали дольше, не три дня. Не нашли ни капота, ни крыльев, вообще ничего. Он мог уйти под лавину, провалиться в трещину, его могли убить и закопать злодеи-попутчики, сбросить с поезда в реку, но мог он и убежать в Китай через Среднюю Азию и там совсем «окитаиться», стать каким-нибудь Ван Суем, не помнящим родства, забывшем всё прошлое, родину, Малыша... А мог найти себе в конце концов пропеллер, прицепить на лямке к штанам на спине, нажать кнопку и улететь. Навсегда. Пусть, мол, Малыш один тут мучается. «Попался на качели — качайся, чёрт с тобой».